

Но если не даютъ, то зачѣмъ же было бы Провидѣнію «влагать въ насъ» эту необходимость развитія, какъ препятствіе къ достиженію идеала гармоніи?

Гр. Толстой привелъ примѣръ глубокаго по смыслу ветхозавѣтнаго сказанія, но, приведя его, отчасти выпустилъ изъ виду унаслѣдованный нами отъ этого прародителя грѣхъ, вслѣдствіе каковаго унаслѣдованія ребенокъ, напр., самъ по себѣ отнюдь не можетъ (не говоря уже о законахъ физической наслѣдственности, обуславливающей и наклонности наслѣдственныя) являть собою образъ какого-то безусловнаго совершенства, отчасти же, приведя сказаніе, не давъ ему полнаго объясненія, какого оно заслуживаетъ,—не докончилъ его... Всякое знаніе есть, дѣйствительно, какъ бы первый шагъ къ раздвоенію природы человѣка, ибо оно разрушаетъ внутреннюю его гармонію, разшатываетъ, такъ сказать, ту здоровую въ немъ основу, отъ которой зависятъ умѣнье непосредственнаго пользованія благами жизни, съѣжестъ и живость непосредственныхъ чувствъ человѣка. Въ этомъ смыслѣ первое грѣхопаденіе и было, пожалуй, первую ошибкою человѣческаго разума, повлекшею за собою его извращеніе и нарушеніе естественной гармоніи въ человѣкѣ. Этимъ же, однако, своимъ паденіемъ человѣкъ поставленъ въ необходимость напрягать всѣ силы свои къ самоусовершенствованію («необходимость развитія» гр. Толстого), къ борьбѣ со всякимъ зломъ, какъ частнымъ проявленіемъ, въ окружающемъ мірѣ, той же нарушенной въ самомъ человѣкѣ гармоніи, и — договаривайте же — *человѣку община побѣда*. Христіанство возстановляетъ естественный смыслъ человѣческаго ума—черезъ освобожденіе его отъ вѣковыхъ его путъ и чуждыхъ ему наслоеній: «познайте истину и истина сдѣлаетъ васъ свободными!» Этимъ же оно указываетъ человѣку нормальный типъ его развитія, при которомъ знанія,